

В темноте на траве человек стоял в противостоянии с собакой, которая, пригнувшись, готовилась к атаке. Это был спутник Чжан Эрцюаня, а собака — Сяо Хэй из дома Цинь Яна.

Он делал выпады, пытаясь напугать Сяо Хэя, но тот, отпрыгнув, продолжал лаять.

— Чья это собака, такая злая? На моём месте я бы уже палкой её прибил! — Чжан Эрцюань, возмущённо сказав это, крикнул человеку вдали. — Не бойся её! Быстро, найди камень и брось в неё!

Услышав это, тот начал искать камень, а Цинь Ян, нахмурившись, строго приказал:

— Сяо Хэй, если кто-то хочет тебя ударить, защищайся, кусай!

Как говорится, собака нападает, когда чувствует поддержку хозяина. Сяо Хэй, услышав голос Цинь Яна, залаял ещё громче и бросился на человека, который искал камни.

Тот, увидев это, громко выругался и побежал.

Сяо Хэй, проворный и быстрый, бросился в погоню. Один убежал, другой гнался, и они быстро скрылись за склоном Байфэня. Человек, убегая, непрерывно ругался, но не останавливался, мчась вперёд изо всех сил.

Чжан Эрцюань, поражённый, с упрёком посмотрел на Цинь Яна:

— Цинь Ян, раз это твоя собака, почему ты не остановил её? Ты позволил ей кусать человека? Если она кого-то укусит, у тебя будут проблемы!

Цинь Ян спокойно ответил:

— О? Какие проблемы? Его отец приведёт бандитов, чтобы избить меня? Ха... Если он хочет ударить мою собаку, я должен её защитить. Виноват только ты, что дал такой совет.

— Ладно, ты умеешь говорить, я не спорю. Если она кого-то укусит, тебе тоже не поздоровится, — Чжан Эрцюань, явно не ожидавший такой наглости от Цинь Яна, недовольно бросил это и побежал вслед, крича. — Бао Цзэ! Не беги! Чем больше ты бежишь, тем больше она будет гнаться!

В ответ раздался ещё более громкий лай.

Цинь Ян усмехнулся и неспешно пошёл за ними, наблюдая, как Бао Цзэ, спотыкаясь, скатывается с холма, прежде чем позвать Сяо Хэя обратно. Он погладил прыгающую вокруг него собаку, подумав, что завтра нужно сварить яйцо, чтобы наградить Сяо Хэя за то, что тот выручил его.

Цинь Ян и Сяо Хэй повернули обратно, но чем дальше они шли, тем больше Цинь Ян хмурился. Он чувствовал, что что-то здесь не так. Всё это было слишком странным. Эти двое появились именно после того, как кто-то приходил смотреть на хэшоуу. Учитывая их поведение у двора и то, как Чжан Эрцюань запнулся, он начал подозревать, что они пришли не для того, чтобы поговорить с Цинь Вэйго, а ради хэшоуу во дворе.

Хотя он ещё не мог быть уверен в своих догадках, Цинь Ян не хотел спрашивать у Цинь Вэйго, были ли у него какие-то дела с этими двумя. Но Цинь Ян был человеком, который предпочитал действовать наверняка. Прожив две жизни, он понимал важность осторожности. Раз уж у него

возникли подозрения, он принял меры. «Укреплять забор после того, как овца сбежала» — это не его стиль.

Когда он подошёл к двору, то встретил Цзян Юя, который, держа масляную лампу, осторожно шёл наружу.

— Куда идёшь?

Цзян Юй серьёзно ответил:

— Я несу лампу, чтобы осветить тебе путь... О, Сяо Хэй вернулся, сегодня он такой хороший.

— Сегодня он действительно хороший. Подожди тут, я занесу хэшоуу домой, и пойдём ужинать,
— Цинь Ян, сказав это, закатал рукава и начал переносить корзину с землёй, думая о том, что завтра нужно будет повесить замок на левый дом, чтобы было удобнее.

Прохладный ветерок разогнал облака, и луна, выглянув из-за туч, осветила землю таинственным светом.

У пруда под топодем Бао Цзэ, едва не укушенный собакой, недовольно проворчал:

— Этот паршивец спустил на меня собаку? Чтобы что-то получить, нужно сначала отравить эту собаку, иначе ничего не выйдет.

Чжан Эрцюань, подумав, тихо сказал:

— Не нужно, это будет слишком очевидно. Подумай, сегодня его собака гналась за тобой, и если она вдруг умрёт, он сразу поймёт, что это мы. Может, поручим это дурачку?

— Он тебя послушает?

— Попробуем. Дурачков легко обмануть, либо деньгами, либо конфетами, всегда найдётся способ.

Бао Цзэ с презрением ответил:

— О? И кто пойдёт уговаривать дурачка? Ты сам пойдёшь подкупать его, не боишься, что он, ничего не понимая, выдаст тебя Цинь Яну?

— ...Ты прав, — Чжан Эрцюань смущённо улыбнулся.

Бао Цзэ решительно сказал:

— Не будем думать, травим собаку. Если не травить, то хотя бы уведём её, а потом возьмём то, что нужно.

— Ладно, как скажешь.

Достигнув соглашения, они разошлись.

Прошло два дня, и всё было спокойно. Цинь Ян повесил замок на левый дом, запер туда хэшоуу, а орхидею «Тяньи Хэ» поставил в комнате. В углу всё ещё росли корни деревьев и трава, выкопанные вчера на опушке леса.

Острая капуста, которую Цинь Ян мариновал два дня, была готова. Её яркий цвет и острый аромат вызывали слюнки. В обед Цинь Ян попросил Цинь Фэн приготовить яичницу, а сам подал тарелку с острой капустой. Всё это поставили на стол, и семья из четырёх человек села ужинать. Цзян Юй, любивший яйца, даже не взглянул на капусту, с радостью уплетая яичницу.

Цинь Фэн, попробовав капусту, сразу оживилась и восторженно воскликнула:

— Брат, эта капуста просто восхитительна! Папа, попробуй.

Она положила немного капусты в тарелку отца.

Отец, попробовав, не стал восторгаться, как Цинь Фэн, но одобрительно кивнул:

— Вкусно, действительно хорошо, особенно с рисом.

Цинь Ян, получив их одобрение, успокоился. Он посмотрел на Цзян Юя, который всё ещё ел только яйца, и положил ему немного капусты. Цзян Юй, слегка нахмурившись, всё же послушно съел её.

Через некоторое время.

— Цинь Ян, Цинь Ян... я, я хочу ещё!

— Ещё, ещё немного.

— Дядя, тебе, тебе нельзя есть много острого, а то живот заболит... Лучше я съем сам, — Цзян Юй, сказав это, без зазрения совести положил последний лист капусты себе в тарелку.

Цинь Ян, смеясь, спросил:

— Яйца больше не хочешь?

Цзян Юй, не отрываясь от капусты, ответил:

— Цинь Ян, ты, ты устал, ешь сам...

— ...Этот дурачок совсем не дурак! — отец, смеясь, сказал.

Острая капуста получилась отлично. После обеда Цинь Ян положил её в железную коробку и вместе с Цзян Юем отправился в город к Чжан Вэю. Так как дорога туда и обратно занимала несколько часов, Цинь Ян немного беспокоился о доме, поэтому запер Сяо Хэя в комнате с хэшоуу. Если кто-то действительно захочет украсть хэшоуу, они вряд ли полезут в комнату с собакой.

Уладив всё, Цинь Ян и Цзян Юй отправились в город.

Как только Цинь Ян ушёл, деревенский холостяк Ван Лаоу, напевая, зашёл во двор семьи Цинь.

Отец Цинь, лежа в небольшом навесе, который Цинь Ян специально для него построил, читал старую пожелтевшую книгу и не заметил, как кто-то вошёл. Ван Лаоу, бросив на него взгляд, прошёл мимо и направился к дому Цинь Вэйго.

Цинь Вэйго и его жена были не дома, но их двое сыновей были там. Два мальчика, сидя у двери, играли с насекомыми, и, увидев Ван Лаоу, старший, Цинь Лэй, закричал:

— Быстро, уходи, сумасшедший идёт!

Цинь Синь, схватив насекомое, побежал за Цинь Лэем к дедушке, крича:

— Дедушка, дедушка, Ван Лаоу пришёл к нам!

Цинь Фэн, услышав шум, выглянула из двери.

Ван Лаоу, которому было около шестидесяти, жил один, без семьи. Он был странным человеком, часто говорил бессвязно, а несколько лет назад, когда его собака умерла, он начал бессмысленно бить людей. С тех пор его стали бояться в деревне, и люди старались обходить его стороной.

Услышав, как мальчики обзывают его, он не рассердился, а лишь зловеще усмехнулся:

— Эй, вы, чертенята, если ещё раз так крикнете, я вас продам!

Цинь Синь, прыгнув в объятия дедушки, показал Ван Лаоу язык.

<http://bllate.org/book/17698/1652212>